

УДК 316.344.32:303.1+316.75

П. В. Аксенов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

В статье представлен критический анализ сложившихся методологических подходов к проблеме элит; выявлена необходимость комплексного, ориентированного на междисциплинарный подход осмысления феномена интеллектуальной элиты. Обоснована актуальность и перспективность культурологического анализа, наиболее полно раскрывающего сущностные особенности столь многоаспектного социокультурного явления.

Ключевые слова: элитологический дискурс, культурология, социология, теории элит, социокультурное пространство, исторический процесс.

P. V. Aksenov

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN RESEARCH OF THE INTELLECTUAL ELITE: CULTUROLOGICAL PERSPECTIVE

The article presents critical analysis of existing methodological approaches to the problem of the elites, identifies the need for an integrated, multidisciplinary approach based on understanding the phenomenon of the intellectual elite. It proves importance and perspective of culturologic analysis, revealing the essential best features of such a multifaceted socio-cultural phenomenon.

Keywords: elitological discourse, culturology, sociology, theory of elites, socio-cultural sphere, historical process.

Все возрастающий за последние два десятилетия исследовательский интерес к проблемам элит не случаен, поскольку именно они являются движущей силой политического, экономического, культурного развития, задают их темп и вектор. Сегодня термин «интеллектуальная элита» достаточно часто фигурирует на различных уровнях: от публицистического до академического, что, с одной стороны, объяснимо сложностью и широтой трактовки данного термина, а с другой – реальностью современного мира, базирующегося на культурном многообразии. В результате данный термин не всегда применяется с должной степенью рефлексии, как правило, служа либо простым синонимом к понятиям «интеллигенция», «высокообразованные», «высококультурные», «научная элита» и пр., либо используется в различных, часто взаимоисключающих смыслах, что вносит путаницу в исследовательский анализ. Представляется, что назрела необходимость введения различных трактовок и интерпретаций интеллектуальной элиты в рамки методологического ригоризма, с целью упорядочения и дальнейшего выявления отличительных особенностей данного феномена в складывающейся системе плюрализма элит. Важным при этом выступает условие исторической ретроспективы, поскольку теоретические и методологические аспекты исследования интеллектуальной элиты, вырванные из контекста определенных хронологических рамок, неизбежно ведут к размытости и неопределенности данного феномена.

Впервые в отечественной научной мысли проблема элит прозвучала в середине прошлого века в трудах Г. К. Ашина, которому удалось представить на тот момент имеющийся мировой опыт в исследовании различных типов элит. Именно Ашин вводит в научный оборот термин «элитология» (признаваемый сегодня в качестве отдельной отрасли научного знания), что, на наш взгляд, без преуве-

личения можно считать отправным пунктом исследования элит в отечественной научной мысли. Уже с 1989 г. образуется сектор исследования элит в Институте социологии РАН во главе с О. В. Крыштановской, проводятся также исследования общественного мнения аналитическим центром Ю. А. Левады и др. Наряду с этим растет количество публикаций, книг, переводов, статей, защищенных диссертаций и даже учебников по элитологии, проводятся конференции и семинары, посвященные проблемам элит. Не исследуемый до этого времени феномен элит начал активно обсуждаться во всем спектре общественных наук. На этом фоне актуальной методологической задачей становится концептуализация накопленного как зарубежного, так и отечественного теоретического и эмпирического материала. Это дает возможность определить критерии выделения интеллектуальной элиты, выделить сущностные черты и характеристики, выявить ее функции и роли в социальных и культурных процессах в различные исторические периоды.

Важная особенность существующих теорий элит заключается в том, что в историко-мировоззренческом аспекте они предлагают собственное альтернативное видение хода истории, где главным субъектом и творцом является тот или иной тип элиты, который задает общий вектор и динамику исторического процесса. Известный тезис представителя классических теорий элит В. Парето – «история – это кладбище аристократий» – является тем стержнем, вокруг которого стали строиться теории элит. При этом вопрос о положении народных масс в истории остается в стороне, их роль и значение либо преуменьшаются, либо вовсе отрицаются. История поэтому представлена в виде сменяющих друг друга в результате борьбы типов элит, их вечного перманентного обновления и противостояния. Элиты являются в некотором смысле двигателем истории, и от того, какой

именно из типов элит является главенствующим в конкретный период времени, можно судить о той или иной эпохе – таков универсальный закон истории с точки зрения теории элит. Если попытаться синтезировать все имеющиеся на сегодняшний день основные постулаты теорий элит, то можно обнаружить общий для всех методологический костяк, который, в свою очередь, базируется на следующих принципах.

1. Исторический процесс рассматривается сквозь призму совокупности социальных циклов, определяемых господством определенных типов элит. Теории элит предлагают свое собственное видение человеческой истории, «другую модель общества, движимого конфликтом между конкурирующими элитами», история – это «бесконечное сражение элит за власть, а человеческое общество проходит циклы взлета и падения правящих групп» [10, с. 25, 38].

2. Фундаментальным принципом социальной системы открыто признается ее дифференциальный характер. Любое общество иерархично по сути, неравенство индивидов в нем – имманентный признак его естественного, извечного и неизбежного состояния, атрибут цивилизации. Причем дифференциация общества по мере своего развития только расширяется и углубляется, достигая своего апогея (согласно теориям постиндустриального общества) в постиндустриальной цивилизации, именуемой как «общество интеллекта», где главным ресурсом и критерием отнесения к элите выступает интеллект.

3. Все общество в силу различного рода причин (в зависимости от конкретной теории) не может являться главным субъектом трансформаций, и далеко не всегда все индивиды стремятся участвовать в управлении обществом. В результате появляется привилегированное властвующее меньшинство, берущее на себя (или делегируемые ему) эти функции, и пассивное большинство. Показатель-

ны в этом отношении концепции Э. Фрейда и Ф. Ницше, которые с разных сторон объясняют это явление. Так Фрейд выявил, что каждому индивиду с детства свойственна потребность в авторитете и родительской опеке, которые потом на подсознательном уровне переносятся во взрослую жизнь и проявляются в потребности защиты, подчинения устанавливаемым правилам и нормам, то есть такие индивиды составляют пассивное большинство. Ницше, выступая с позиций выработанных им концепций «воли к власти» и «сверхчеловека», демонстрирует нам активное меньшинство, образующее элиту.

Основным принципом, в соответствии с которым строятся теории элит, является разделение общества на две категории: элита и масса. Уже классические теории элит указывают нам на то, что во всех обществах и при любой форме правления, начиная с первых цивилизаций и заканчивая современными состояниями, всегда существует две общности – меньшинство и противостоящее ему большинство. Провозглашаемая «дихотомия элита – масса является ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры» в любом элитологическом исследовании [1, с. 66].

4. В теориях элит «общим знаменателем практически всех определений является представление об избранности (декларируемой либо действительной – автор) определяемой категории лиц» [3, с. 8]. Элита представляется как некая совокупность индивидов и рассматривается в качестве основной составляющей социокультурной динамики, двигателя цивилизационных процессов, главной конструктивной силы общества.

5. Между элитами и массами существует определенная психологическая, культурная, интеллектуальная, социальная и др. дистанция (пропасть), что обусловлено спецификой элитной среды (определенной субкультуры), качественно отличной от среды массовой.

Другой особенностью существующих теорий элит является также то, что практически все они рассматривают проблему элит в сложившейся социологической традиции. Зародившись в недрах социологической мысли (вышеуказанный классик теории элит В. Парето, а также Г. Моска и Р. Михельс были, прежде всего, социологами), теории элит продолжают развиваться в рамках устоявшихся парадигм. В Европе, а в дальнейшем и в США, сложилась своего рода монополия исследовательского интереса к проблемам элит, где доминируют именно социологические аспекты анализа, а объектом исследования выступают преимущественно политические, экономические и даже военные элиты. Существующие на сегодняшний день отечественные исследования в области элит в большинстве своем являются рецепцией уже сложившихся западных концепций и, на наш взгляд, продолжают придерживаться классических теорий, разработанных социологией. В тоже время современные социологи все больше начинают говорить о том, что «элита – пожалуй, единственная из страт, претендующая на то, чтобы быть объектом изучения отдельной специализированной области знания, выходящей за рамки собственно социального. Понятие элитарности, будучи разрабатываемо в различных сферах действительности, обладает несравненно большим методологическим потенциалом, чем комплекс представлений о любом другом социальном слое» [5, с. 10]. Речь идет об элитологии, предметом изучения которой выступают элиты во всех сферах своего проявления. Однако сами отечественные элитологи констатируют, что подавляющему большинству современных исследований элит свойственна их однобокая социологическая направленность, что «нет работ, которые бы с позиции гуманитарных дисциплин подходили к изучению элитности не как социального-политического или экономического яв-

ления, а как общечеловеческого социокультурного феномена» [8, с. 4], а также что «культурные тенденции современных российских элит в большинстве случаев остаются за скобками современных элитологических исследований» [7, с. 3]. Представляется, что культурология может восполнить существующий пробел, поскольку является той комплексной наукой, интересы которой как раз пролегают в поле междисциплинарных исследований. А в плоскости культурологического исследования элиты вообще и интеллектуальной элиты в частности становится возможным не только систематизировать существующие исследовательские концепции ее изучения и выделить тот методологический пласт, на котором они базируется, но позволяет также обосновать и интерпретировать интеллектуальную элиту в качестве целостной социокультурной категории, влияющей на развитие культуры и общества в целом.

Таким образом, ключевой методологической задачей, существующей ровно столько, сколько существует проблема элит, остается глубокое теоретическое, целостное осмысление феномена элиты, определение критериев отнесения к элите, ее места и роли в историческом процессе и современном социуме. Современные исследователи, в зависимости от разделяемых ими методологических подходов к проблеме элит, по-разному определяют сущностное содержание термина «элита». Наиболее влиятельными методологическими подходами в элитологическом дискурсе сегодня признаются: **структурно-функциональный** (именуемый также как альтиметрический, статусно-функциональный, организационный, позиционный, институциональный, властный, формальный и др.) и **ценностный** (аксиологический, нормативно-оценочный, меритократический, сущностный и др.). Оставляя в стороне существующие разночтения

в употреблении двух методологических подходов, отметим их сущностные основания. Доминирующим из двух подходов к определению элиты на сегодняшний день является структурно-функциональный подход (наиболее активно применяемый в социологии), как среди зарубежных, так и отечественных исследователей, подавляющему большинству которых свойственно отождествлять элиту с правящим классом (политической элитой, правящими кругами, властвующей элитой или истеблишментом). Данная традиция берет свое начало с работ Г. Моска и продолжает существовать в социологической парадигме. Критериями отнесения к элите в рамках данного методологического подхода являются принадлежность к власти, способность управлять и осуществлять властные полномочия, посредством принятия стратегически важных для всего общества решений. Другими словами, элитой признается тот, кто имеет максимальный объем властных полномочий, потому что возглавляет ключевые посты и должности, и в результате этого имеет привилегированное положение в обществе. Трудно не согласиться с критикой в адрес структурно-функционального подхода в его чрезмерной формализации, который, по сути, под элитой подразумевает не личность как таковую, а «элитное кресло» ею занимаемое. Вместе с тем данный методологический подход к определению элиты остается популярным и преобладает среди отечественных социологов и политологов, так как позволяет легко и эффективно определить объект исследования: социолог, открыв Конституцию РФ, обнаружит в ней объектное поле своего эмпирического исследования, равное структуре органов государственного управления. В результате структурно-функциональный подход стал применяться для исследования именно политической элиты, причем с позиций принадлежности индивида к власти и политическим структурам,

что, на наш, является фрагментарным и недостаточным, поскольку не исчерпывает весь методологический потенциал (спектр) данного подхода. Сегодня термин «элита» рассматривается в структурно-функциональном контексте (вернее отдельной его части), став синонимом «политической элиты» или «правлящей элиты» и даже «чиновничества». На данную тенденцию указывал еще Г. К. Ашин в 1985 г., когда писал, что понятие элиты, употребляемое в каком-либо контексте без уточняющего прилагательного, какая именно элита имеется в виду («культурная», «интеллектуальная», «экономическая» и т. д.), начинает мыслиться в сугубо узком значении – элиты политической [1, с. 78–79]. Если четверть века назад данное обстоятельство рассматривалось в качестве тенденции элитологического дискурса, то сегодня это стало неотъемлемой методологической установкой структурно-функциональных концепций элит. Ярким тому подтверждением является позиция упоминаемого ранее социолога О. В. Крыштановской, для которой «словосочетание “властвующая элита” является тавтологией, так как элита, по определению, есть правящая группа общества», «элита не может не быть политической» [10, с. 75, 76]. Налицо явный перекосяк в сторону структурно-функционального подхода, претендующего на универсальность, причем в его узком и упрощенном виде. Следуя данной логике, элита априори является элитой политической (властвующей, правящей), следовательно, ни о каких других элитах не может быть и речи, которые, видимо, отнесены отечественным социологом в разряд массы. Отрицаются в данном случае и теории плюрализма элит и неоднородность социального пространства, а также неоднозначность и многоаспектность самого термина «элита» с точки зрения критериев отнесения к ней на различных этапах исторической эволюции. Из всего многообразия критериев выделения элиты сторонники

структурно-функционального подхода предпочитают именно альтиметрический (от лат. *altus* – высоко; высотомер): элитой признаются индивиды, находящиеся на вершине вертикального разреза общества, что позволяет им обладать властью, и, наоборот, – власть позволяет оказаться им наверху иерархии и стать элитой. Ответ на вопрос, кто является элитой в структурно-функциональных концепциях, лежит на поверхности – это люди, обладающие властью, за что социологи иногда не без основания подвергаются критике в чрезмерной формализации.

Кроме сказанного о том, что проблема элит в современных отечественных исследованиях преимущественно рассматривается сквозь призму социологии и крайне популярного структурно-функционального подхода, положение дел усугубляется также предельной широтой трактовки и понимания, «общеупотребительностью» слова «элита». Можно наблюдать, как термин «элита» все больше заполняет публицистические тексты, претерпевая при этом смещение в сторону структурно-функциональной методологии в том виде, в котором ее понимает О. В. Крыштановская. В настоящее время данный термин все больше теряет свое первоначальное значение, причем «смещение идет в сторону от интеллектуальных, творческих групп людей, которые и осознавались как элита нации, к определению словом *элита* верхних уровней политической власти» [15, с. 74]. Термин «элита» утрачивает свое первоначальное этимологическое значение не только в структурно-функциональной методологии, но и в повседневных практиках своего употребления, что заставляет всерьез задуматься о правомерности такого его использования. Можно ли считать нынешние правящие группы элитой в подлинном смысле этого слова? Все чаще встают вопросы о «подлинной» или «настоящей» элите, возникают новые термины, с разных сторон обличающие сущность властей предрержащих: от нейтрального «ис-

тэблишмент» и «публичная элита» до «псевдоэлита», «квазиэлита», «пораженческая элита» и пр. Данные смысловые и функциональные трансформации отражают одну из сторон современного элитологического дискурса, являются индикатором утраты этимологических первооснов, смещения аксиологических векторов.

Вместе с тем структурно-функциональная методология обзорно шире, чем принято сегодня ее применять для исследования именно политической элиты. Другие виды элит также обнаруживают собственную структуру, иерархию и выполняемые в обществе функции. В этом смысле феномен интеллектуальной элиты также может быть осмыслен с точки зрения рассматриваемой методологии. Так, в исследовании Е. М. Левинтовой наблюдается постепенный уход от сугубо властно-альтиметрической трактовки, где «под интеллектуальной элитой подразумевается **социологическая категория** (выделено автором), включающая в себя: а) официально действующих интеллектуалов-политиков, находящихся или находившихся у власти ... и б) официальных советников, экспертов, консультантов, идеологов, находящихся при политической элите, но в не входящих в нее непосредственно» [11]. То есть для того, чтобы называться интеллектуальной элитой, уже не совсем обязательно входить в состав элиты политической. Все попытки представить интеллектуальную элиту в качестве социологической категории в большинстве своем переплетаются со структурно-функциональной методологией, что является немаловажным, но далеко не исчерпывающим дополнением для исследовательского анализа. Интеллектуальная элита в таком видении предстает в двух аспектах. Во-первых, наблюдаемая конвергенция двух видов элит даже на теоретико-методологическом уровне и выделение на этом основании общего понятия «интеллектуалов-политиков» неслучайно, поскольку позволяет политической

элите, с одной стороны, пополнить свои ряды представителями из интеллектуальной элиты и не допустить тем самым собственного вырождения (о чем в свое время писали еще В. Парето и Г. Моска), а с другой – легитимировать свое статусное положение в глазах масс. Во-вторых, именно интеллектуальная элита признается сегодня одним из основных субъектов государственной идеологии, выступая в качестве «экспертократии» или чаще всего «интеллектуальной обслуги» политической элиты. «Блестящая интеллектуальная элита важна для страны, ее существование льстит самолюбию правящей элиты. Но интеллектуальная элита обычно стремится к независимости, что очень неудобно» [4, с. 103]. Факт вхождения некоторых представителей интеллектуальной элиты в состав политической и других видов элит признается большинством современных исследователей, что является одной из немаловажных ее характеристик и одновременно одной из трудностей ее исследования. Однако на данном этапе и исключительно в рамках структурно-функциональной методологии можно вывести главную особенность такой мобильности представителей интеллектуальной элиты – данный канал мобильности работает только в одном направлении. Если допускается переход интеллектуала в политическую элиту, то для политика вход в интеллектуальную элиту обычно закрыт. Известный российский политолог О. В. Гаман-Голутвина ратует за открытость инкорпорации в политическую элиту, ставя ей это в заслугу: «Принципиальной особенностью политической элиты является то, что в отличие от профессиональных элит она является открытой системой. Не имеющей специального образования и опыта работы по избранной специальности новобранец, как правило, не может претендовать на вхождение в сообщество профессиональных элит. Круг политической элиты пополняется за счет лиц различного образовательного, профессионального и имуществен-

ного статуса» [3, с. 12]. Такая «открытость» политической элиты, в конечном счете, заставляет усомниться в ее элитном статусе, с одной стороны, а с другой – подтверждает выдвинутый нами тезис о заградительных барьерах инкорпорации в интеллектуальную элиту представителя из политики.

В результате политическая элита, исследуемая в рамках структурно-функциональной методологии, если и приносит определенные эмпирические результаты, то механическая экстраполяция подобного подхода в исследовательское поле интеллектуальной элиты выглядит малоубедительной, поскольку феномен интеллектуальной элиты обозримо сложнее и многограннее, чем политическая элита, поэтому не может быть в полной мере раскрыт в претендующей на универсальность альтиметрической парадигме. Такая универсализация характерна также и для современной политологии, стремящейся унифицировать весь элитологический дискурс в рамках структурно-функциональной методологии и вокруг политической элиты. Социология и тем более политология не могут дать исчерпывающую характеристику интеллектуальной элите даже в ее статичном «внеисторичном» состоянии, так как она может находиться в различных фазах отношения с социальной системой: от отстранения и отчуждения до противостояния и антагонизма. «Не обладая в каждом конкретном случае прочной связью с какой-либо социальной общностью или классом, интеллектуал есть нечто вне-, над-, а иногда антиобщественное» [6, с. 177]. В складываемых российских условиях углубляющейся и расширяющейся общественной дифференциации трудно говорить об однородности социального происхождения представителей интеллектуальной элиты, пытаясь расположить их в плоскости размытых социальных границ. Все более «статус и идентичность постсоветского интеллектуала не определяемы ни социальной принадлежностью, ни иерархическим по-

ложением, ни доходом, ни образованием, ни профессией» [13, с. 83]. В результате категория интеллектуальной элиты оказывается размытой по своим социальным параметрам и поэтому не может быть с необходимой точностью зафиксирована с позиций одной только научной дисциплины или одного научного метода. Феномен интеллектуальной элиты многогранен, имеет комплексный характер, требующий своего уточнения и конкретизации.

Наиболее глубокому осмыслению феномен интеллектуальной элиты может быть подвергнут с позиций ценностно-нормативной методологии. Если структурно-функциональная методология тяготеет к онтологической описательности и позволяет зафиксировать интеллектуальную элиту здесь и сейчас, причем без необходимой конкретизации объекта исследования, то для ценностно-нормативной методологии свойственно вскрывать гносеологическую природу, сущностно-содержательную сторону этого явления, причем в его исторической ретроспективе с учетом генезиса и особенностей эволюции на различных этапах человеческой истории, у различных народов и общностей. Трудно в этом смысле переоценить роль и значение культурологии. Именно культурология, в отличие от социологии и политологии, на более высоком уровне обобщения позволяет интегрировать различные теоретико-методологические подходы к исследованию феномена интеллектуальной элиты в качестве онтологической и гносеологической целостности, путем глубокого осмысления сопредельных социально-гуманитарных знаний. При этом необходимо осуществить перевод теоретических знаний в операциональное поле исследования и использовать полученные эмпирические данные для уточнения теоретических положений. Культурология вводит не один, а целую систему критериев всего спектра социально-гуманитарных наук, посредством которых возможно уточне-

ние и содержательный анализ интеллектуальной элиты, что придает культурологическому исследованию комплексный и междисциплинарный характер. «Подход политического социолога отличается от подхода культуролога», – справедливо замечает Г. К. Ашин. «Культурологи обычно применяют термин “элита” к выдающимся деятелям культуры, к творцам новых культурных норм. Иногда он выступает как синоним “аристократии духа”. Для политического социолога элита – та часть общества (меньшинство его), которая имеет доступ к инструментам власти» [2, с. 28]. Если подход политического социолога, как было показано ранее, пролегает в альтиметрической парадигме и является на сегодняшний день наиболее применяемым в современной элитологической мысли, то подход культуролога не столь распространен, и лишь с недавнего времени стали осознавать, что методологический потенциал культурологического подхода к исследованию элит огромен: «Менее всего изучена элита с точки зрения нашей отечественной культурологии. В то же время культурологический подход позволяет обосновать, понять и интерпретировать элиту как культурно-антропологическую категорию, представляющую собой духовно-ментальную целостность, способную влиять на развитие отечественной культуры в целом» [9, с. 13].

Таким образом, феномен интеллектуальной элиты может быть рассмотрен не только в узких рамках структурно-функционального подхода, но и с позиций перспективной ценностно-нормативной методологии, став предметом исследования культурологии. Важно при этом учитывать достижения всего спектра социально-гуманитарных наук и использовать весь имеющийся методологический инструментарий, обусловленный задачами исследования. Если вся критика в адрес структурно-функционального подхода основана на тезисе о его субъективности, фрагментарности и размытости объекта ис-

следования, то ценностно-нормативная методология также рискует быть уличена в субъективности и оторванности от реальности, но уже со стороны апологетики, идеализации интеллектуальной элиты как некоего трансцендентного социокультурного образования. Все больше назревает необходимость формирования целостного, комплексного представления об элитах, где исследовательские подходы будут не противостоять, а взаимодополнять, взаимообуславливать друг друга, образуя единое концептуальное исследовательское поле, а не изолированные научные изыскания отдельных научных отраслей. Этого требует и сам термин «элита», обладающий неоднозначным (а порой противоречивым) набором критериальных характеристик, множеством трактовок и областей своего применения. Все чаще исследователи, обращаясь к методологическим проблемам исследования элит, приходят к выводу о необходимости формирования общей «методологической основы для формирования «единой» теории элит, интегрирующей концептуальные положения отдельных теорий в контексте «постклассического» видения. На наш взгляд, таким подходом при анализе элитных групп может выступать так называемый «интегративный» подход, в котором допускается существование множества оснований для формирования элиты» [12, с. 101]. При этом «именно социокультурные стандарты, исторические традиции формирования и функционирования представителей элиты становятся ключевыми характеристиками их деятельности. Заметим, что данные обстоятельства позволяют рассматривать развитие элиты в качестве целостного исторического, экономического и социокультурного процесса» [14, с. 32]. Сказанное в полной мере применимо к элитам вообще и интеллектуальной элите в частности, подходы и исследовательские стратегии к которым пока не приобрели статуса исчерпывающих научных парадигм.

Но важная особенность комплексного анализа интеллектуальной элиты заключается в том, что критерии ее идентификации заключены не столько в узкие (но немаловажные) рамки структурно-функционального подхода, сколько в сфере ценностной методологии, посредством которой возможно раскрыть всю природу отношений внутри интеллектуальной элиты и ее роли в сложноорганизованном социокультурном пространстве. Последним определяется актуальность культурологического аспекта исследования интеллектуальной элиты, обусловленная необходимостью формирования более целостного представления и осмысления этого социокультурного феномена на различных этапах исторического процесса.

Кратко подводя итоги, следует отметить, что проблема элит в российском исследовательском дискурсе относительно молода. Говорить о сформировавшемся и устойчивом методологическом аппарате исследования элит преждевременно. Представляется, что на современном этапе уместней будет применять понятие «методологического вакуума», хаотично заполняемого системой принципов, методов, подходов, приемов, терминов из смежных социально-гуманитарных наук, что нередко приводит к методологической синонимии и, как следствие, методологической путанице и рассогласованности. Возникает острая потребность фундаментального исследования, глубокого осмысления феномена интеллектуальной элиты. Необходима конвергенция онтологического и гносиологического с целью объективного исследования существующей действительности, с одной стороны, и четкого теоретического понимания сущности феномена – с другой. Все насущнее потребность проведения комплексного, разноаспектного, интегративного, междисциплинарного исследования столь многосложного феномена, коим является интеллектуальная элита. Как мы выяснили, наиболее используемый в современных эли-

тологических исследованиях односторонний анализ интеллектуальной элиты с позиций исключительно структурно-функциональной методологии неизбежно ведет к необоснованному отрицанию ценностно-нормативной парадигмы (берущей свое начало со времен Платона), что в результате приводит к поверхностной, субъективной и сиюминутной интерпретации. В результате необоснованно зауженное понимание элиты в современных российских исследованиях привело к этимологическим трансформациям, когда под

элитой стали понимать исключительно политическую элиту. Ценностно-нормативная же методология, в большей мере раскрываемая посредством культурологи, позволяет исследовать проблему интеллектуальной элиты в качественно ином, содержательном уровне. При таком ракурсе видения проблемы интеллектуальной элиты проясняется многое, осознается ее роль и место в социокультурном пространстве во всем многообразии аспектов, реализовавшихся в истории и актуальных для современной России.

Литература

1. Ашин Г. К. Современные теории элиты: Критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.
2. Ашин Г. К. Элита элите – рознь // Трибуна русской мысли. – 2008. – № 9. – С. 25–30.
3. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
4. Григорьев Л. М. Элиты и средний класс // SPERO. – 2010. – № 13. – С. 87–110.
5. Казакова В. И. Границы элиты в социальном пространстве // Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии: тр. НГТУ им. Р. Е. Алексеева. – Н. Новгород: НГТУ, 2008. – С. 8–23.
6. Казакова В. И. Интеллектуал в пространстве стратификации: границы и социальная судьба // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 4(16). – С. 175–183.
7. Кайбушев А. Д. Политическая культура и основные культурные тенденции современной политической элиты России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2009. – 25 с.
8. Карабущенко П. Л. Антропологическая элитология. – М.; Астрахань: АстрМОСУ, 1999. – 179 с.
9. Комиссаренко С. С. Российская элита как предмет Отечественной культурологии // Вопросы культурологии. – 2007. – № 7. – С. 13–17.
10. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
11. Левинтова Е. М. Российская интеллектуальная элита и ее дискурс (1992 – 2001 гг.) [Электронный ресурс] // Полемика. – 2001. – Вып. 12. – Режим доступа: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/12/levintova> (дата обращения: 03.01.2012).
12. Логинова О. А. Методологические проблемы изучения элит в классической и неклассической социологической традиции // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 98–101.
13. Мартьянов В. С. Постсоветская Россия. Социально-теоретические размышления // Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов / под общ. ред. В. Куренного. – М.: Наследие Евразии, 2009. – С. 72–95.
14. Наронская А. Г. Методологические аспекты изучения феномена элиты // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 3(69). – С. 29–34.
15. Резанова З. И. Элита, элитный, элитарный: семантика и функционирование // Язык и культура. – 2009. – № 2(6). – С. 69–79.